

Нет автора

**Памятники древней
христианской письменности
в русском переводе**

Афинагор и его сочинения Том 5

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Памятники древней христианской письменности в русском переводе: Афинагор и его сочинения Том 5 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 206 с.

ISBN 978-5-458-00369-8

ISBN 978-5-458-00369-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОБЪ АѢИНАГОРЪ И ЕГО СОЧИНЕНІЯХЪ.

Въ надписаніи къ апологіи, принадлежащемъ, по мнѣнію ученыхъ, самому Аѣинагору, онъ называетъ себя аѣиняниномъ, философомъ христіанскимъ. Дальнѣйшихъ подробностей жизни этого апологета исторія не сохранила намъ. Два только писателя говорятъ объ Аѣинагорѣ: святой Меодій и Филиппъ Сидеть. Первый приводитъ одно мѣсто изъ апологіи Аѣинагора (*); другой сказалъ только нѣсколько словъ, и то подлежащихъ большому сомнѣнію; Евсевій и Иеронимъ хранятъ глубокое молчаніе объ этомъ писателѣ (**). Вотъ что говоритъ Сидеть: «Начальникомъ Александрійской школы былъ Аѣинагоръ. Онъ жилъ во времена Адріана и Антонина, и представилъ имъ свою апологію въ защиту христіанъ. Онъ исновѣдывалъ христіанскую вѣру уже и въ то время, когда ходилъ еще въ тогъ философа, и былъ на-

(*) Апол. гл. 24. См. у Епиф. Наег. XLIV, 21, и Фотія Bibl. Cod. 234.

(**) Нѣкоторые (Бароній, ad. d. 18 ian., Тиллемонъ, и др.) принимаютъ Аѣинагора за одно лицо съ мученикомъ Аѣиногеномъ, который, по свидѣтельству св. Василія Великаго (о Св. Духѣ. Гл. 29), сложилъ хвалебную пѣснь въ честь третьей вѣпостаси Св. Троицы, и предалъ ее ученикамъ своимъ, когда осужденъ былъ на сожженіе. Такое сближеніе основывается лишь на нѣкоторомъ созвучіи двухъ именъ—Аѣинагора и Аѣиногена, и на предполагаемой только ошибкѣ, допущенной переписчиками твореній Аѣиногена. Этотъ мученикъ пострадалъ въ Севастіи, въ Арменіи, вмѣстѣ съ другими, въ царствованіе Діоклитіана.

чальникомъ въ школѣ академикомъ. Намѣреваясь писать противъ христіанства, для вѣрнѣйшаго достиженія своей цѣли приступилъ къ чтенію свящ. книгъ, и плѣненный благодаріею Св. Духа, подобно великому Павлу, сдѣлался проповѣдникомъ того самаго ученія, противъ котораго возставалъ. Ученикомъ его былъ Климентъ александрійскій, у котораго обучался Пантень.» (См. *Dodwel. Dissert. in Irenaeum, ad calcem.*) Но и это почти единственное свидѣтельство много оспариваютъ, потому что оно въ частныхъ своихъ показаніяхъ прямо расходится съ свидѣтельствомъ церковнаго историка Евсевія, который и жилъ прежде Филиппа и сочиненіями своими (историческими) далеко превосходитъ жалкую, по отзывамъ Сократа (Церк. Ист. кн. 17 гл. 27.) и патр. Фотія, (Cod. XXXV), компиляцію Филиппову, съ громкимъ названіемъ *исторіи христіанства*. Такъ, напр., невѣрно Сидеть утверждаетъ, будто Аѣинагоръ былъ начальникомъ александрійской школы: ибо въ такомъ случаѣ непонятно, какииъ образомъ могли бы оставаться въ неизвѣстности творенія столь знаменитаго лица даже для Евсевія? Далѣе, Климентъ александрійскій былъ не учителемъ, а ученикомъ Пантена: объ этомъ ясно свидѣлствуютъ Евсевій (Ц. Ист. кн. 5. гл. 10) и Фотій (Cod. CIX).

Самъ апологетъ въ началѣ своего сочиненія *о воскресеніи мертвыхъ* свидѣлствуетъ, что онъ написалъ не мало сочиненій, доставившихъ ему почетное имя философа; но изъ всѣхъ нихъ до насъ дошли только два: *апологія* и трактатъ *о воскресеніи мертвыхъ*.

Апологія есть лучшее произведеніе Аѣинагора. Она представлена была Марку Авредію и сыну его Коммоду, а не Луцію Веру. Это мнѣніе находитъ себѣ подтвержденіе въ самой апологіи. Такъ, Аѣинагоръ (гл. 37) говорить: «Кто съ большею справедливостію можетъ получить просимое, какъ не мы, ко-

торые молимся о вашей власти, чтобы сынъ наследовалъ отцу по праву царствованія... Выраженіе: «чтобы сынъ наследовалъ отцу», никакъ не можетъ относиться къ Марку Аврелію и Луцію Веру: они оба были усыновлены Автонинномъ, и ни одинъ изъ нихъ не могъ быть отцемъ другаго. Далѣе, въ той же апологіи Аѳинагоръ, желая сколько-нибудь приблизить къ разумѣнію язычниковъ величайшую тайну пребыванія Сына въ Отцѣ, употребляетъ весьма удачное сравненіе, указавъ не плотское происхожденіе сына царскаго отъ царя. Но это сравненіе не имѣло бы никакого смысла, еслибы эти самыя слова были обращены къ Марку Аврелію и Луцію Веру, двумъ братьямъ, чего, конечно, не могъ не знать Аѳинагоръ. Время написанія апологіи 166 или 177 годъ. Прежде этого времени не было даже и повода къ ея появленію, ибо, по свидѣтельству исторіи, во все царствованіе Марка Аврелія гоненіе на христіанъ существовало въ эти два года. Не лишень интереса и тотъ вопросъ, какъ могъ Аѳинагоръ представить свою апологію римскому императору? Самый удобный для этого случай былъ, вѣроятно, тотъ, что въ 176 году Аврелій предпринималъ путешествіе въ Грецію, Сирію и Египеть. Аѳинагоръ *аѳинянинъ* имѣлъ возможность представить свою апологію *въ Аѳинахъ*. Съ другой стороны, благочестивая, пламенная ревность о благѣ единовѣрныхъ могла подвигнуть мужественнаго апологета предпринять нелегкое путешествіе и въ самый Римъ. Но что апологія *дѣйствительно* была представлена императорамъ, а не написана только въ формѣ защитительной: въ этомъ удостовѣряютъ насъ первыя же почти строки апологіи, гдѣ апологетъ обращается къ правителямъ, и потомъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ прямо или косвенно авторъ относится къ нимъ съ тѣми похвалами, которыя онъ могъ позволить себѣ, не нарушая долга справедливости...

Вся апологія состоитъ: изъ вступленія и опроверженія взводимыхъ на христіанъ обвиненій. Во вступленіи апологетъ, послѣ обращенія къ императорамъ, изображаетъ бѣдственное положеніе своихъ единовѣрцевъ, невинно гонимыхъ при тѣхъ самыхъ государяхъ, которые отличаются мудрою вѣротерпимостію,—большою частію за одно имя христіанина. Вслѣдъ за тѣмъ, Аѣйнагоръ опровергаетъ обвиненіе въ безбожіи, и съ этою цѣлю приводитъ, въ главныхъ чертахъ, христіанское исповѣданіе вѣры, показывая, что христіане признаютъ единого Бога, верховнаго Творца вселенной, троячнаго въ лицахъ. Философы и поэты, которые только догматично признавали единство Божіе, не были почитаемы безбожниками: тѣмъ менѣе можно обвинять въ этомъ христіанъ, которые свое ученіе основываютъ на свидѣтельствѣ пророковъ. Тяжкимъ обвиненіемъ также падало на христіанъ то, что они, удаляясь безстыдныхъ сборищъ языческихъ, тайно составляли свои собранія, о которыхъ народная молва разносила самыя безобразныя толки... Апологетъ, строго храня законъ церкви не посвящать чуждыхъ въ тайны христіанской дисциплины, открываетъ, однакожь, сколько находить нужнымъ для своей цѣли, внутреннюю сторону христіанской жизни своихъ единовѣрцевъ.

Сближая апологію Аѣйнагора съ такимъ же произведеніемъ другаго знаменитаго христіанскаго писателя Іустина, мы находимъ нѣсколько весьма сходныхъ положеній, высказываемыхъ ими обоими. Такъ, оба единогласно и открыто свидѣтельствуютъ, что христіанъ обвиняютъ за одно только имя; тотъ и другой требуютъ отъ правителей суда для христіанъ равновѣрнаго для римскихъ подданныхъ всѣхъ вѣроисповѣданій; источникъ ненависти язычниковъ къ христіанамъ и гоненія первыхъ на послѣднихъ, по убѣжденію обоихъ апологетовъ, скрывается въ вѣчной, непримиримой враждѣ порока

къ добродѣтели; необыкновенное мужество христіанъ среди мученій, изумлявшее самихъ мучителей, и тотъ и другой апологетъ объясняютъ непреоборимою надеждою христіанъ на Бога, и непоколебимою увѣренностію въ блаженной вѣчной жизни загробной; видимъ, также, большое сходство въ нѣкоторыхъ *мысляхъ* мнѣніяхъ Іустина и Аѳинагора, напр. касательно христіанскаго ученія о паденіи ангеловъ. Но нельзя не видѣть и разницы въ твореніяхъ этихъ двухъ писателей. Стремясь къ одной цѣли, они шли не однимъ путемъ. Аѳинагоръ, сравнительно съ св. Іустиномъ, очень мало приводитъ свидѣтельствъ изъ свящ. книгъ пророческихъ, а старается путемъ строгаго, безпристрастнаго разсужденія довести образованныхъ читателей своихъ до убѣжденія въ тщетѣ языческаго вѣрованія. Также собственными словами языческихъ философовъ и поэтовъ, хорошо извѣстными судіямъ и правителямъ, онъ старается представить справедливыми многія мнѣнія христіанскія и нелѣпыми — многія убѣжденія языческія. Отъ такого направленія всего сочиненія произошла и другая виѣшняя особенность. Въ рѣчи Аѳинагора слышится образованный, разборчивый въ словахъ ораторъ, старающійся подѣйствовать сколько на умъ своихъ читателей — силою мысли, столько же и на ихъ слухъ — гармоніею и пріятностію рѣчи; слышится ораторъ, хорошо знающій тѣ приемы, которые указывало древнее словесное искусство своимъ адептамъ для снисканія благоволенія своихъ слушателей или читателей.

Другое произведеніе Аѳинагора содержитъ въ себѣ раскрытіе той величайшей истины, что смерть есть конецъ — мученій, а не бытія человеческого, и что будетъ время, когда всѣ воскреснутъ, будутъ жить вѣчно, съ тѣлами. Авторъ сперва устраняетъ сомнѣнія и опровергаетъ возраженія, какія представлялись въ его время и со стороны враговъ хри-

стіанскаго ученія о воскресеніи, и какія раждались въ душахъ самихъ вѣрующихъ. И послѣ этого, уже положительно раскрываетъ истину воскресенія тѣлъ, указывая ни *цѣль*, для которой сотворенъ человекъ, на его *природу* и, наконецъ, на необходимость должнаго *возмездія* за добрыя и худыя дѣла, котораго, однакожь, въ *настоящей* жизни мы не видимъ. Но это возможно только при томъ условіи, если души умершихъ опять соединятся съ тѣлами, т. е. по *воскресеніи*. Имѣя въ виду цѣль, съ которою и побужденіе, по которому написанъ трактатъ о воскресеніи, можно думать, что весьма невеликъ былъ промежутокъ *времени*, отдѣлявшій появленіе въ свѣтъ представляемыхъ нами въ переводѣ двухъ произведеній Аѳинагора, хотя и нельзя съ точностію опредѣлить годъ написанія.

Подлинность апологіи и трактата «о воскресеніи» не подвергалась сомнѣнію. Оба эти произведенія сохранились до нашего времени въ нѣсколькихъ манускриптахъ — частію отдѣльно, частію въ составѣ съ сочиненіями другихъ писателей, напр. Іустина. Въ томъ же видѣ они были издаваемы и въ свѣтъ: иногда на двухъ языкахъ — греческомъ и латинскомъ, иногда на которомъ-нибудь одномъ изъ нихъ. (*)

Вл. Ловягинъ.

(*) Новѣйшія изданія сочиненій Аѳинагора помѣщены въ 6 т. *Cursus Compl. Patrol. ser-graec.* и въ *Corpus apolog. Otto.* На русскій языкъ была переведена только апологія (въ Христ. Чтеніи 1843 г.) и то съ большими сокращеніями.

АВИАГОРА

АВИАНИЦА ФИЛОСОФА ХРИСТИАНСКАГО ПРОШЕНИЕ О ХРИСТИАНАХЪ.

Марку Аврелію Антонину, и Люцію, Аврелію Коммоду, самодержцамъ армянскимъ, сарматскимъ, и, что всего выше, философамъ.

1. Великіе Государи! Въ вашей имперіи народы держатся разныхъ обычаевъ и законовъ, и никому изъ нихъ не возбраняется закономъ и страхомъ наказанія слѣдовать отечественнымъ постановленіямъ, какъ бы ни были они смѣшны. Троянецъ называетъ Богомъ Гектора и поклоняется Еленѣ, почитая ее Адрастією; лакедемонянинъ боготворитъ Агамемнома-Зевса и Филоною, дочь Тивдара; житель Тиведоса—Теннеса; авіяннинъ приносятъ жертвы Ерехею-Посидону, и въ тоже время авіяне совершаютъ обряды и мистеріи въ честь Агравлы и Пандросы (1), хотя онѣ призваны не-

(1) Агравла и Пандроса—дочери Кекропса, которымъ Аэина передала Эрехею младенца, до половины имѣвшаго видъ змѣи, въ ящикѣ съ запрещеніемъ открывать его. Когда онѣ открыли его, увидѣли дитя, обвитое змѣєю (или дитя въ видѣ змѣи) и были ею умерщвлены.

честивыми за то, что открыли ящикъ. Однимъ словомъ, у всѣхъ племенъ и народовъ люди совершаютъ жертвоприношенія и мистеріи, какія имъ угодны. А египтяне признаютъ за боговъ кошекъ, крокодиловъ, змѣй, аспидовъ, собакъ. И ко всѣмъ имъ снисходите и вы и законы, въ той мысли, что нечестиво и незаконно совершенно не признавать Бога, и необходимо, чтобы каждый почиталъ боговъ какихъ ему угодно, дабы люди страхомъ божества удерживались отъ преступленій. А насъ ненавидите за одно имя ⁽²⁾? Не обманывайтесь молвою, подобно толпѣ, — ибо не имя достойно ненависти, а преступленіе—суда и наказанія. Потому-то всѣ прославляютъ вашу кротость, милосердіе, снисхожденіе ко всякому и челоуѣколюбіе; каждый пользуется одинаковыми правами, города же пользуются честью, сообразно съ своимъ достоинствомъ, и вся имперія по вашей мудрости наслаждается глубокимъ миромъ. Только намъ, называющимся христіанами, вы не оказываете вашего вниманія, и даже позволяете гнать, притѣснять и мучить насъ, тогда какъ мы не дѣлаемъ ничего худаго, и какъ будетъ доказано дальше въ рѣчи, преимущественно предъ всѣми питаемъ самыя святыя достоуважаемыя расположенія къ боже-ству и вашей власти ⁽³⁾; и все это за одно имя, которое вооружаетъ противъ насъ толпу. Я осмѣлился раскрыть предъ вами ваше положеніе, чтобы изъ этой рѣчи вы узнали, что мы страдаемъ вопреки справедливости, вопреки всякому закону и здравому разуму,—и умоляю васъ обратить сколько-нибудь вниманія и на насъ, чтобы, наконецъ, клеветники

⁽²⁾ Т. е. христіанъ.

⁽³⁾ Сн. Іуст. 1 апол. 17; Тертулл. ad Scapul. с. 2.

перестали подвергать насъ смерти. Ибо не въ томъ дѣло, что враги наши посягаютъ на нашу честь или отнимаютъ у насъ какое-либо другое большее благо, — мы презираемъ эти блага, хотя для многихъ они кажутся достойными заботъ, такъ какъ мы научены не только бьющему не воздавать тѣмъ же и не судиться съ тѣми, кто нападаетъ на насъ и грабятъ, но и подставлять для удара другую часть головы тѣмъ, кто ударить по щекъ, и отдавать и верхнее платье тѣмъ, кто отниметъ нижнее (*). Но когда отдадимъ деньги, хотять лишить насъ самой жизни, взводя на насъ множество преступленій, которыя и не приходили намъ даже и на мысль, но скорѣе свойственны клеветникамъ нашимъ и имъ подобнымъ.

2. Конечно, если кто можетъ обличить насъ въ великомъ или маломъ преступленіи, мы не просимъ избавить насъ отъ наказанія, но признаемъ справедливымъ нести наказаніе, какъ бы ни было оно сильно и жестоко. Но если обвиненіе основывается на одномъ имени, — ибо что до сегодня говорятъ объ насъ, есть пустая и неразумная людская молва, и ни одинъ христіанинъ не былъ обличенъ въ преступленіи, — то долгъ вашъ, величайшіе, человеколюбивые и мудрѣйшіе государи, закономъ оградить насъ отъ обидъ, дабы, какъ во всей имперіи каждый порознь и цѣлые города пользуются вашими благодѣяніями, и мы могли благодарить васъ и похвалиться тѣмъ, что избавились отъ клеветъ. Ибо несообразно съ вашимъ правосудіемъ, чтобы между тѣмъ какъ прочіе, обвиняемые въ преступленіи, не подвергаются наказанію прежде дознанія ихъ вины, — въ отношенія къ намъ имя больше значило, нежели судебныя ули-

(*) См. Мѡ. V, 39; св. Лук. VI, 39.

ки, потому что судьи не изслѣдуютъ, сдѣлалъ ли подсудимый какое-нибудь преступленіе, но ставятъ въ вину самое имя, какъ преступленіе. Между тѣмъ имя само по себѣ не считается ни хорошимъ, ни худымъ, а оказывается дурнымъ или добрымъ по худымъ или добрымъ дѣламъ, которыя подразумѣваются подъ нимъ. Вы сами лучше знаете это, какъ занимавшіеся философіей и всякаго рода ученостію. Поэтому тѣ, которые призываются къ суду у васъ, хотя бы ихъ обвиняли въ величайшихъ преступленіяхъ, бываютъ благодушны, зная, что вы будете изслѣдовать жизнь ихъ, и не обратите вниманія ни на имена ихъ, если они ничего не значатъ, ни на обвиненія въ преступленіяхъ, если они ложны; они законнымъ порядкомъ получаютъ приговоръ, осуждающій или оправдывающій. Этого-то принадлежащаго всѣмъ права просимъ и мы, чтобы не преслѣдовали насъ ненавистью и не наказывали за то что мы называемся христіанами, — ибо какое отношеніе нашего имени къ преступленію? но пусть судятъ насъ по тому дѣлу, за которое кто-нибудь позоветъ на судъ, и либо отпускали насъ, когда оправдаемся отъ обвиненія, либо подвергали наказанію, если доказано наше преступленіе, — не за имя, потому что нѣтъ ни одного христіанина-преступника, если только онъ велицемѣрно держится этого ученія, а за преступленіе. Такъ, мы видимъ, судятся и философы (5). Ни одинъ изъ нихъ прежде судебного изслѣдованія не считается у судьи за добраго или худаго только по его наукѣ или занятію, но если кто изъ нихъ окажется виновнымъ въ преступленіи, то подвергается наказанію, не навлекая на самую философію никакого нареканія, — ибо онъ

(5) Такое же доказательство встрѣчается у Іустина (апол. 1. гл. 4). Тертуллиана (Apol. с. 46).